

Чжуан Фэй бросил быстрый взгляд на Чжуан Цинхуна и, словно приняв окончательное решение, произнес:

— Потому что Чжуан Фэй не хочет, чтобы господин меня прогнал. Попав в Цветочный дом, назад дороги уже нет. Хотя я и недалек умом, но знаю: в этом месте полно способов заставить таких слуг, как я, добровольно опуститься на самое дно. Я этого не хочу!

Чжуан Фэй отвесил Чжуан Цинхуну земной поклон:

— У прежнего хозяина я... из-за своей внешности терпел насмешки и травлю других слуг, вызывал неприязнь и пренебрежение хозяйки, а в итоге был продан в Цветочный дом. Я наслышан о великом имени господина и верю, что только вы способны защитить меня. Я лишь хочу стать вашим сяоши, служить вам верой и правдой.

Взгляд Чжуан Цинхуна стал холодным и отстраненным. Он произнес ледяным тоном:

— Ты хочешь, чтобы я укрыл тебя, и за это готов идти в огонь и в воду? Пытаешься торговаться со мной? Ты хоть понимаешь, что ты — лишь раб, а я — господин? Твоя смерть ради меня — дело естественное. У тебя нет права заключать со мной сделки.

Чжуан Фэй, распростертый на полу, ответил:

— У меня не было таких намерений. Моя жизнь принадлежит господину, и я готов быть вашим верным псом. Я лишь хочу, чтобы, пока эта моя никчемная жизнь еще имеет хоть какую-то ценность, я смог прожить ее чуть более достойно.

Больше сказать было нечего. Оба погрузились в молчание.

В Цветочном доме принято говорить о соблюдении правил, но где там встретишь справедливость? Будучи слугой, в любой момент можно оказаться в беде: тяжелая болезнь, неосторожное слово в адрес гостя — все это проблемы, которые не решить самостоятельно. И тогда вмешивается Цветочный дом: не хочешь мучиться — добровольно подписывай контракт, переходи в низший разряд, и тебя растопчут так же, как и остальных. Даже если беды нет, ее всегда можно «создать», не так ли? У слуг нет права голоса. Цветочный дом лишь наденет маску добродетели, окажет тебе милость, а ты обязан будешь ползать в ногах, унижаясь и благодаря за собственное падение.

Да, если станешь мальчиком для утех, будешь хорош собой и научишься пробиваться наверх, жизнь станет чуть лучше. Многие будут тратить деньги, чтобы провести с тобой ночь, а кто-то, возможно, даже влюбится. Но кто из них полюбит по-настоящему? Кто готов ради тебя отдать все состояние, чтобы выкупить тебя? Кто не побоится людской молвы и останется с тобой навсегда?

Такова печаль людей самого дна.

Хочет прожить жизнь чуть более комфортно? Как же это похоже на него самого, и в то же время — как же это противоположно. Чжуан Цинхун опустил глаза, глядя на распростертого у его ног Чжуан Фэя. В сердце поднялось сложное чувство. Должен ли он оставить такого

человека при себе? Есть ли в этом опасность... Он больше не хотел об этом думать. Чжуан Цинхун чуть заметно улыбнулся: он оставит его.

Если же тот посмеет хоть в чем-то нарушить сказанное сегодня, он собственноручно уничтожит его, сделав жизнь хуже смерти.

— Вставай, — Чжуан Цинхун перестал смотреть на Чжуан Фэя. — Сегодня ты одет скромно, и без заколок в волосах даже лучше. Так, с собранными волосами, ты выглядишь гораздо бодрее.

— Благодарю, господин, — Чжуан Фэй поклонился и поднялся. — Господин не побрезговал мной, но я не смею возгордиться. Прошу, пройдемте в передний зал к трапезе.

Чжуан Цинхун удовлетворенно кивнул. Он понял намек Чжуан Фэя: тот обещал, что сегодняшняя сцена не повторится. Он был доволен тем, что этот сяоши оказался умен и понятлив, что избавило его от лишних хлопот.

Чжуан Фэй вытер лоб. Несмотря на риск, он многого добился: еще раз доказал свою преданность и открыл Чжуан Цинхуну свои мысли. Верит ли тот ему или нет — неважно, главное, что теперь между ними сложились отношения чуть более близкие, чем просто между новым господином и слугой. По крайней мере... ему разрешили каждый день собирать волосы, не так ли?

Он не упустит ни одной мелочи.

В переднем зале уже был накрыт стол: два горячих блюда — одно мясное, одно овощное, три холодные закуски и четыре вида супа. Все подано понемногу, но изысканно, а к ним — рисовая каша на родниковой воде с кусочками рыбы.

Хотя в Павильоне Дождя и Снега была своя кухня, обычно еду не приносили так вовремя. Повара не знали, когда господин проснется, и ждали, пока слуга придет с поручением.

Чжуан Фэй помог Чжуан Цинхуну сесть. Господин не стал спрашивать, почему все готово, а лишь после еды похвалил:

— Ты отлично справился.

Конечно, это Чжуан Фэй распорядился на кухне, чтобы его вовремя разбудили и все подготовили. Он был куда расторопнее прежнего слуги.

Когда посуду унесли, Чжуан Фэй остался рядом, чтобы прислуживать. Чжуан Цинхун не возражал.

\*\*\*

Человеку, попавшему в новую среду и начавшему жить по-новому, недели вполне достаточно, чтобы освоиться. Для тех, кто в Цветочном доме изо дня в день борется за существование,

одного взгляда достаточно, чтобы запомнить человека.

С момента появления в Павильоне Инъюэ Чанфэн Чжуан Фэй запомнил все детали. Жизнь вошла в колею: каждый день одно и то же. В его обязанности входил уход за Чжуан Цинхуном и присмотр за благовониями. За ними приходилось ходить в хозяйственную часть павильона, и там Чжуан Фэй воочию увидел, что такое эксплуатация и гнет — жизнь слуг, не имеющих статуса, была невыносима.

Чжуан Фэй думал, что Чжуан Цинхун не доверит ему благовония из-за недоверия. Но тот оказался на удивление свободен в своих решениях. Впрочем, неудивительно: Чжуан Цинхун наверняка уже подмял под себя нескольких людей, которые тайно приглядывали за всем. Чжуан Фэй перестал ломать над этим голову. У него не было дурных помыслов, он искренне служил господину, и каждый раз перед тем, как зажечь курильницу, спрашивал разрешения.

А что касается антиквариата и одежды, то ими занималась сама хозяйка павильона, Хун Ли. Каждый месяц она присылала новые вещи, и Чжуан Фэй не нужно было об этом беспокоиться.

Это не была забота — это было постоянное напоминание: ты живешь за счет Павильона Чанфэн, это была форма давления.

У Чжуан Цинхуна был свой кабинет, куда Чжуан Фэй никогда не заходил, и это, казалось, вполне устраивало господина.

Но сегодня Чжуан Цинхун внезапно задал странный вопрос:

— Чжуан Фэй, ты грамотен?

— Отвечаю господину, — Чжуан Фэй раскрыл зонт над Чжуан Цинхуном и тихо ответил: — Я не учился, знаю лишь те несколько знаков, что успел выучить у прежнего хозяина.

Чжуан Цинхун внезапно остановился, на его лице отразилось недовольство. Чжуан Фэй, следовавший за ним, тоже вынужден был замереть. Мелкий дождь оседал на плечах Чжуан Фэя. Начало осени принесло прохладу, и он невольно поежился. Чжуан Цинхун и так был холоден, но сейчас его взгляд заставил Чжуан Фэя продрогнуть до костей.

— Чжуан Фэй, — Чжуан Цинхун стоял посреди дождевой завесы, протянул бледную руку и приподнял подбородок Чжуан Фэя. — Больше никогда не упоминай при мне своего прежнего хозяина. Запомни: я — твой единственный господин.

Чжуан Цинхун с интересом наблюдал, как хлопают ресницы Чжуан Фэя, как замешательство сменяется спокойствием, и как тот, опустив глаза, кивает в знак согласия. Наконец, удовлетворенный, он снова двинулся вперед.

Опустив руку, он потерял пальцы — ощущение гладкой кожи еще не исчезло, согревая его холодные пальцы. И правда, раз уж ты пришел сюда и служишь мне, к чему постоянно поминать прежнего хозяина? Это неприятно.

— Ну, раз знаешь несколько знаков, покажи, каких именно? — Чжуан Цинхун снова зашагал. — Впрочем, забудь. У тебя уши покраснели, небось, и двух слов связать не сможешь. Сегодня поучишься у меня.

— Благодарю, господин, — Чжуан Фэй поблагодарил его. Кабинет был уже рядом. Сложив зонт, он толкнул дверь и пропустил Чжуан Цинхуна вперед, а сам замялся на пороге.

Размышляя над словами господина, он понял, что тот хочет, чтобы он вошел. Но за десять с лишним дней об этом не было ни слова. Может, это проверка? Чжуан Фэй колебался, но изнутри раздался голос Чжуан Цинхуна:

— Еще не вошел?

— Да.

Чжуан Фэй вошел. Чжуан Цинхун бросил на него быстрый взгляд:

— Закрой дверь. Не люблю смотреть на дождь.

Сердце Чжуан Фэя дрогнуло: неужели началось? Но руки двигались быстро, он плотно закрыл дверь.

\*\*\*

Никаких проверок, которых он опасался, не последовало.

Чжуан Фэй лежал на кровати, глядя на свет фонарей, размытый дождем за окном, и прислушиваясь к шуму ливня. Он вспоминал, как днем Чжуан Цинхун стоял у него за спиной, обхватив плечи, и учил писать знаки.

Чжуан Цинхун был великолепен. Он стоял, держа кисть, прямой, словно сосна. Его лицо было самым красивым из всего, что видел Чжуан Фэй, а холодная, отстраненная манера держаться делала его красоту почти невыносимой. Он вывел на бумаге два знака — Чжуан Фэй, точно так же, как когда-то Чжуан Фэй выводил их на земле.

Казалось, ничего не изменилось, но в то же время все стало иначе.

Чжуан Фэй внезапно почувствовал холод и обхватил себя за плечи. Его руки, конечно, не могли дать ему тепла, в отличие от рук Чжуан Цинхуна. Тепло тела Чжуан Цинхуна приносило покой. Что же он задумал? Так обращаться с ним... хочет соблазнить? А какая от этого польза? Если Павильон Чанфэн узнает, им обоим не поздоровится.

В полудреме Чжуан Фэю показалось, что он слышит какое-то движение, видит тени, но веки становились все тяжелее, и он провалился в сон.

Когда Чжуан Фэй крепко уснул, кто-то толкнул дверь и подошел к его постели, опустившись на корточки.

— ... — Чжуан Цинхун погладил Чжуан Фэя по лицу, затем отвернулся и, взмахнув рукавами, вышел из комнаты.

Ты, просящий меня о защите, никогда не узнаешь, насколько опасно то, что я делаю. Я стараюсь сделать твою жизнь комфортной, но даже если ты умрешь — не смей винить меня.

Спи спокойно, Чжуан Фэй.

\*\*\*

Чжуан Фэй уже понял, что Чжуан Цинхун иногда тайно покидает павильон. В тот день обучение письму было не проверкой, а уловкой с использованием благовоний. В рукаве у господина был особый аромат, который, смешиваясь с запахом на кушетке у его спальни, вызывал сонливость и притуплял чувства.

Вероятно, он не хотел, чтобы Чжуан Фэй знал о доказательствах, которые собирал. Поняв это, Чжуан Фэй не стал настаивать. У него не было причин и оснований требовать доверия, как не было и сил помочь. Если Чжуан Цинхун не хотел рассказывать, он делал вид, что ничего не знает, и в дни ночных дежурств покорно засыпал, как того хотел господин.

Недели хватило, чтобы понять характер Чжуан Цинхуна. Он действительно был холоден, и хотя не отталкивал людей на пушечный выстрел, мало что могло его тронуть. Чжуан Фэй все больше понимал, как трудно будет выполнить контракт.

В то же время у него появился план. Павильон Чанфэн — это бордель. Он любил Чжуан Цинхуна, но, конечно, не мог выставлять это напоказ, ведь за Чжуан Цинхуном следили князь Цзинь Ци Цзин и хозяйка Хун Ли. Напротив, нужно было изо всех сил скрывать свои чувства.

Но и вести себя как обычный слуга было бессмысленно. Самая подходящая позиция — смирение. Это лучше всего скрывает чувства и в то же время позволяет им проявиться.

К тому, кого любишь, даже при самом глубоком смирении, всегда проявится иное отношение. Конечно, на это потребуется время.

Чжуан Фэй закрыл глаза. Правый глаз немного ныл. Ради этого он уже отступил, с самого начала зная, какой путь выбрал, и был готов ко всему. Жертвы не имеют значения!

Его господин, он действительно не изменился. Все так же заставляет сердце сжиматься от боли. Если бы он мог что-то для него сделать — даже умереть — он бы не побоялся.

Время пролетело, прошло два месяца, пришла зима.

За эти два месяца Чжуан Фэй успешно избавился от первоначальной настороженности Чжуан Цинхуна. Как сяоши, он был безупречен: предельно скромен, никогда не создавал проблем, а его запросы были минимальны — просто быть слугой, этого было достаточно.

В общем, Чжуан Фэй был доволен. По крайней мере, Чжуан Цинхун привык к его присутствию, его мир теперь вращался вокруг него, и Чжуан Цинхун больше не находил никого более покладистого.

Сегодня выпал первый зимний снег. Совсем немного, но это означало, что ударили холода.

Чжуан Фэй находился в кабинете, читая вслух стихи, указанные Чжуан Цинхуном. Если он ошибался или не узнавал знак, Чжуан Цинхун бил его линейкой по ладоням — ему, кажется, нравилось так наставлять Чжуан Фэя.

Поначалу Чжуан Цинхун хотел учить его писать, прижимая к себе, как в первый день, но однажды это увидел князь. Он заметил, что для сяоши достаточно уметь читать, а писать — не обязательно.

Чжуан Фэй понял, что князь, возможно, приревновал, и поспешил извиниться. Чжуан Цинхун больше не заставлял его писать.

Но чтение стало ежедневным ритуалом. Стихи и оды были ритмичными, ошибки в них легко было заметить, и Чжуан Цинхун, читая свою книгу, легко поправлял его.

Именно в такой сцене застал их Ци Цзин. Чжуан Цинхун лениво полулежал на кушетке с книгой путевых заметок, а Чжуан Фэй сидел на табурете пониже, держа сборник стихов и негромко, четко читая вслух.

Его вид — одновременно нетерпеливый и старательный — вызвал у Ци Цзина улыбку.

— У тебя отличное настроение, каждый день заставляешь Чжуан Фэя читать. Зимой — свое развлечение, а я, выходит, скучаю до смерти, — Ци Цзин приходил часто и не обращал внимания на то, что Чжуан Цинхун не приветствует его поклоном. Он вытянул книгу из рук хозяина и подшутил над ним.

Чжуан Фэй спокойно поклонился и естественно отложил книгу. Он думал, что выглядит равнодушно, но не заметил, что его крошечное облегчение не укрылось от глаз обоих мужчин. Они лишь беспомощно улыбнулись. Чжуан Фэй терпеть не мог эти стихи, но вынужден был читать под давлением Чжуан Цинхуна. Теперь, когда пришел Ци Цзин, он был искренне благодарен, и, уходя, его глаза светились радостью, что делало его еще более живым и приятным.

Выйдя в прихожую, Чжуан Фэй потер уставшие глаза, заварил чай у печи и, прежде чем войти, предложил чашку горячей воды стражнику, стоявшему снаружи, и улыбнулся.

Он делал так с самого начала — просто чтобы произвести хорошее впечатление на стражника высокого ранга. Это была мелочь, но добрая воля — полезная вещь, когда-нибудь может пригодиться.

Чжуан Цинхун бросил легкий взгляд на Ци Цзина:

— Если князь так скучает, боюсь, все люди внизу сейчас мечутся, как муравьи на горячей сковородке, пытаюсь придумать, чем бы вас развлечь, — сказал он, вставая и приглашая Ци Цзина на почетное место. Сам он сел рядом. Чжуан Фэй подал чай, поклонился и отступил.

Ци Цзин приходил часто, но Чжуан Фэй не был уверен, что тот действительно влюбился в Чжуан Цинхуна. Он был высокопоставленным лицом, скорее всего, воспринимал Чжуан

Цинхуна как забаву.

Конечно, внешность Чжуан Цинхуна была прекрасна, и это, возможно, тоже играло свою роль. Но это не отменяло того факта, что в будущем он глубоко полюбит его. Чжуан Фэй не хотел становиться бельмом на глазу у князя — иначе его вмиг забьют палками до смерти. Поэтому в присутствии Ци Цзина он всегда был молчалив и предельно правилен.

Чжуан Фэй, опустив голову, вышел из комнаты, не видя улыбки в глазах Ци Цзина и беспомощности в глазах Чжуан Цинхуна.

— Твой сяоши весьма забавен, — Ци Цзин отпил чаю, выпуская облачко пара. — Смотрит на меня, словно на дикого зверя.

Чжуан Цинхун покачал головой:

— Он просто боится учиться, вот и все. Какой там зверь, скорее, бодхисаттва, спустившийся с небес, — он вздохнул. — У Чжуан Фэя неплохие способности, если бы он только приложил усердие.

Вздыхнув, он незаметно сменил тему, и они заговорили о поэзии, о зимних пейзажах и жизни народа. Увлечшись беседой, они совсем забыли про Чжуан Фэя.

Выйдя наружу, Чжуан Фэй увидел, что стражник все еще стоит с чашкой, глядя в пустоту. Он мягко улыбнулся, чтобы разрядить неловкость, но стражник вдруг покраснел и смутился.

— Господин Лю, о чем вы так задумались? — поскольку Чжуан Фэй всегда «отступал на второй план», когда приходил Ци Цзин, он довольно быстро наладил хорошие отношения с личным стражником князя.

После долгого знакомства они стали ближе, но Чжуан Фэй сохранял дистанцию. По статусу они оба были слугами, но на деле между ними была пропасть.

— Я... этот... — Лю Синь отвел взгляд, вскинул руки в приветствии, забыв про чашку, и остатки воды пролились прямо на порог.

Чжуан Фэй быстро взглянул на пол, прошел мимо Лю Синя и естественно забрал чашку. Это было вежливо и помогало сблизиться. Такой неуклюжий человек, а занимает пост главного телохранителя — должно быть, мастерство у него на высоте.

— Чжуан Фэй был занят обслуживанием князя и господина, проявил невнимательность. Господин Лю, хотите еще чаю?

Чжуан Фэй всегда был так предупредителен, что это не могло не подкупить.

Лю Синь, смущенный и растерянный, смотрел на удаляющуюся спину Чжуан Фэя, чувствуя в сердце смятение. Господин Учэнь, конечно, бесподобен, рядом с ним чувствуешь себя лишь пылинкой, но ему... ему больше нравился такой, как Чжуан Фэй.

Когда князь и господин сойдутся, может, он сможет попросить князя о милости?

Чжуан Цинхун, провожая Ци Цина, увидел, как Чжуан Фэй и Лю Синь стоят рядом и о чем-то беседуют. Лю Синь — высокий, крепкий мужчина, видный собой, с острым умом и отличными навыками, иначе не стал бы телохранителем князя. Но рядом с Чжуан Фэем он выглядел таким неловким, и смотрел на него так нежно и осторожно... Взгляд Чжуан Цинхуна похолодел.

Проводив Ци Цина, он сказал Чжуан Фэю:

— Впредь держись подальше от этого Лю Синя. Он не тот, о ком тебе стоит думать.

Чжуан Фэй замер, мгновенно поняв, о чем речь. Он опустил голову, опечаленный, но ответил:

— Слушаюсь.

\*\*\*

Чжуан Цинхун заболел. Простудился.

Три дня назад, в снежную ночь, он вышел наружу, вернулся и слег. Уже три дня Чжуан Фэй ухаживал за ним, но болезнь отступала медленно, словно вытягивая жилы. Господин лежал в постели.

В саду расцвела зимняя слива, аромат был дурманящим. Напоив Чжуан Цинхуна лекарством и уложив его, Чжуан Фэй вышел наружу. Вспомнив, что у господина плохой аппетит, он взял корзинку и отправился искать только что распустившиеся цветы, чтобы к вечеру заварить цветочный чай — аромат сливы мог помочь господину хоть немного поесть.

Снег на дорожках давно расчистили, но в сливовой роще никто не убирал. Чжуан Фэй искал самые свежие цветы, бутоны не подходили, а придавленные снегом — тем более. Пришлось зайти вглубь рощи, и вскоре снежная вода промочила обувь, а руки онемели от холода.

Хотя он был в плаще, толку от него было мало. Снег, капавший с веток, быстро намочил плечи темно-синего плаща. Он набрал лишь полкорзинки, когда, обернувшись, увидел на дорожке князя Ци Цина, направлявшегося к Павильону Дождя и Снега. Тот заметил его, и Чжуан Фэй вышел из рощи к обочине, покорно опустившись на колени:

— Чжуан Фэй приветствует князя Цзинь.

Лю Синь, глядя на то, как колени Чжуан Фэя погружаются в снег, почувствовал беспокойство. Такой холод! Плащ Чжуан Фэя промок, брови и ресницы покрылись инеем, лицо стало мертвенно-бледным. Сердце сжималось от жалости, ему хотелось просить господина разрешить Чжуан Фэю встать. Лю Синь не мог скрыть сочувствия на своем лице.

— Вставай, — Ци Цин велел ему подняться и посмотрел на корзинку. — В такой холод ты не при господине, а здесь делаешь? Что ты тут забыл?